Равченко, М.М. Белорус в советском социуме: национальная идентификация (вторая половина XX в.) / М.М. Равченко // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 115-119.

**М. М. Равченко**

# БЕЛОРУС В СОВЕТСКОМ СОЦИУМЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ (вторая половина XX в.)

В статье анализируется эволюция национальной самоидентификации белорусов в советском обществе в период с окончания Второй мировой войны и вплоть до конца 1980-хх гг. Отмечается рост проявлений национальной идентичности сразу по окончании Второй мировой войны, что было связано с мощными потоками межсистемных взаимодействий и осознанием своей «инаковости» значительной частью населения страны. Однако последующее развитие событий показало, что годы «сытого», спокойного существования в рамках брежневского периода заставили белорусов переосмыслить возможности национальной идентификации, гораздо удобнее оказалось приспособиться к системе, чем в корне ее менять. Сказалась психологическая травма, нанесенная нашему народу Отечественной войной. Инстинкт самосохранения оказался сильнее, чем потребность в национальном самовыражении. Вступая в новый этап своего существования, Беларусь столкнулась с проблемами поиска национальной идентичности, не решенных и по сей день.

The article analyses the evolution of the national identity of Belarusians in the soviet society from the end of the Second World War till the end of 1980s.The author shows an increasing number of national identity manifestations in Belarusian society after the War, that was connected with different kinds of systems interaction during that period. Belarusians took an active part in those interactions, which helped them to find their own national identity. But the Brezhnev‘s period made Belarusians to rethink their national positions. It appeared that it was more convenient to adopt the system‘s rules, than to rebuild the system. Self-preservation instinct seemed to be stronger than the necessity of national displaying. Moreover the problem of national identity is still not solved in modern Belarusian society.

*Ключевые слова*: советский социум, национальная идентификация, Вторая мировая война, белорус, межсистемные взаимодействия.

*Keywords*: Soviet society, national identity, the Second World War, Belorussian, systems` interactions.

Впервые вопросы идентичности в белорусской историографии были подняты О. М. Шутовой в монографии «Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI века». Автор утверждает, что современность привнесла иное понимание и восприятие традиционных для белорусской исторической науки представлений об истине и нашей идентичности, идеи универсального прогресса. Постмодерн видит мир в форме случайностей, необусловленностей, нестабильности, набора различных интерпретаций, которые делают традиционные взгляды на наше историческое прошлое менее ясными и объективными, однако создают его своеобразное видение. В центре внимания исследователя находится непосредственный участник этого процесса — белорус как личность [8, с. 35].

XX век в истории нашей страны стал одним из наиболее сложных периодов: в начале столетия в результате революционных событий изменился традиционный государственный и общественный строй Российской империи, частью которой была Беларусь, родилось новое, советское, государство. Середина века ознаменовалась новым потрясением — Второй мировой войной, последствия которой ощутимы и по сей день. В конце столетия произо-

**Равченко Маргарита Михайловна** — аспирант кафедры источниковедения Белорусского государственного университета. E-mail: margo_fox@tut.by

шел кардинальный поворот от идеалов социализма к западной модели развития. Эти вехи стали определяющими в истории отечества. Становление нового типа общества и, как следствие, нового человека повлекло за собой коренные изменения в механизмах его социальной и национальной идентификации, в материальной среде обитания и духовных сферах повседневного бытия. Также претерпел серьезные изменения психологический склад белорусов.

Революция, войны стали мощным катализатором различных межсистемных взаимодействий. Тысячи белорусов побывали за пределами своей родины, смогли ощутить влияние других народов и культур. Подобные перипетии обостряли процесс национальной идентификации, который можно определить как форму социальной организации, при которой группа людей использует субъективные и символические аспекты культуры для создания внутренней сплоченности и выделения себя среди других групп [6, с. 124].

В Советском Союзе в условиях этнонациональной разнородности русскоязычное население играло роль своеобразного «клейстера», который скреплял национальную конструкцию СССР. Русский язык был доминирующим в культурном пространстве СССР, и на базе такого пространства, по существу, формировалась новая сверхнация — советский народ — с его территориальной и во многом культурной целостностью, основанной на тесной связи не только русских, но и других народов — в том числе украинского и белорусского [7, с. 252—253]. Этот процесс «слияния народов» особую силу набирал после окончания Второй мировой войны. Понятной представляется ситуация, когда белорусы обращались в высшие партийные органы республики с просьбой об издании и получении газет и журналов на белорусском языке, высказывали гордость называться белорусами и желание работать на белорусской земле. Это явно противоречило официальной позиции по национальному вопросу, а также свидетельствовало о том, что процесс национальной идентификации белорусов в ходе и после войны получил свое дальнейшее развитие вопреки действующей идеологии, согласно которой совместная победа советского народа над врагом «закалила» межнациональную дружбу и способствовала преодолению национальных различий. Об этом свидетельствует целый ряд фактов. Вот некоторые из них.

В письме заместителя начальника госпиталя по политчасти Костылева в Отдел агитации и пропаганды КП(б)Б мы читаем: «*Раненые белорусской национальности подчас не умеют читать газеты на русском языке и очень интересуются жизнью своей родной республики. А поэтому убедительно прошу дать указание редактору республиканской газеты о аккуратной высылке республиканской газеты для вручения больным белорусской национальности*» [2, л. 29].

В письме заместителя начальника политотдела в/ч 78037 майора А. Л. Веремеева в ЦК КП(б)Б отмечается*:* «*В связи с тем, что в нашей части имеется значительное количество красноармейцев и офицеров по национальности белорусы, которые очень интересуются вопросами, как идет восстановление Советской Белоруссии после временной оккупации немецкими разбойниками. А поэтому я прошу вас, если возможно, то выделите для воинской части 78037 несколько экземпляров газет на белорусском языке*» [2, л. 35].

Капитан П. Ф. Приходько в письме на имя тов. Пономаренко пишет: «*...Я — беларус, з маленства жыў на Беларусі. Да вайны вучыўся ў КIЖы* (Коммунистический институт журналистики. — *М. Р.*), *працаваў у беларускіх выданнях... Вельмі люблю сваю Беларусь, больш усяго на свеце. Беларуская мова — гэта мая родная мова. Я з кожным днём буду авалодваць ёю*» [2, л. 131].

В. Т. Жихарев, солдат Красной армии, находящийся на излечении в госпитале, также убедительно обозначает свою «белорускость»: «*Я отлично понимаю условия работы в Белоруссии, представляю все те трудности, с которыми придется встретиться, но несмотря на это я хочу в это трудное время работать там, где родился, вырос и приобрел знания*» [2, л. 121].

Подобные письма, заявления, настроения по вопросам национальной принадлежности были не просто проявлением некой национальной индивидуальности, а являлись выражени-

ем, в известном смысле, протеста против официальной политики. Они демонстрировали способность личностей вариативно мыслить, критически оценивать себя и сложившуюся ситуацию, не принимать слепо все сущее.

С 1930-х гг. белорусская интеллигенция была обвинена в «буржуазном национализме», последовали аресты (были, например, арестованы 108 деятелей культуры). Путем сплошной коллективизации и ликвидации кулачества было подорвано крестьянское хозяйство. Начался хорошо известный во всех республиках СССР процесс «унификации» народов. Белорусскоязычные служащие в плановом порядке заменялись русскоязычными. Фактически то же самое касалось и рабочих — мигрантов из деревни, вынужденных принимать русский язык в качестве средства общения. Если вспомнить о невосполнимых человеческих потерях в годы Второй мировой войны (треть населения в наиболее активном возрасте от 18 до 40 лет), жертвах сталинских репрессий (в первую очередь национально настроенной интеллигенции), закрытии белорусских учебных заведений (в 1950-е гг. большая часть районных и областных центров Беларуси вообще не имела белорусскоязычных школ), то причины «национальной маргинализации» становятся совершенно очевидными. И поэтому неудивительными в такой ситуации стали проявления «белорускости», стремление сохранить национальную культуру и память.

Какие же параметры «белорускости» способствовали стабилизации этнической самоидентификации в экстремальных условиях войны и послевоенной разрухи, а затем в обстановке активной политики русификации? Думается, что в первую очередь сыграл фактор самоидентификации, которая базировалась на государственной принадлежности — наличии своей национальной государственности. Этот символ был мощным толчком к национальному возрождению. Далеко не последнюю роль в этом процессе сыграло осознание собственной инаковости, построение так называемого этнического самообраза белоруса — целостного и устойчивого представления у членов общности того, что, собственно, объединяло их в этнос, отличный от всех других по своему душевному складу, соответственно разделяемым ценностям, нормам, традициям, поведению, происхождению, нраву, внешнему облику и др. Язык же, хотя и в ограниченной форме, сохранял значение символической составляющей этническую культуры и традиции. Приведенные выше письма белорусов с просьбами об издании газет и журналов на родном, белорусском, языке свидетельствовали о наличии в сознании хотя бы части народа представлений о белорусском языке как системе знаков, конструирующих их реальность.

Дальнейшее проживание белорусов в составе советского государства показало, что их национальная идентичность является лишь частью сложного механизма идентификации человека в данном обществе, причем далеко не самой главной. Для белорусов, которые достаточно активно проявляли себя как нация в послевоенные годы, период с конца 1950-х и до начала 1980-х гг. стал временем затишья, или, так сказать, «отхода» от «белорускости». Возникает вопрос: почему белорусы за несколько десятилетий смогли так глубоко воспринять пропаганду «советскости»? В то время, когда в других республиках СССР попытки унификации вызывали недовольство людей, все больше осознававших свою этническую принадлежность, белорусы, наоборот, все более отождествляли себя с образом советского человека. Период 1960—1980-х гг. стал, на наш взгляд, решающими в этом процессе.

Характерные воспоминания об этом времени оставил нам Степан Мисько, «исключенный из КПСС за националистические высказывания и поступки, непартийную оценку советской действительности и аморальное поведение» [3, л. 26]:

«*Вось ужо ў 1970-х гадах нельга было сустрэць чалавека, нават і старэйшага ўзросту, каб размаўляў па-беларуску. Толькі яшчэ акцэнт выдаваў беларуса... У тыя гады разгарнулася татальная русіфікацыя ўсіх дзяржаўных устаноў Беларусі, якую ўзначальваў і накіроўваў першы сакратар ЦК КПБ П. М. Машэраў... Найбольш Машэраў напіраў на мову. Дакладна памятаю, як*

*ён пакпіў*: «*Ты думаешь, если бы ты стал президентом Белоруссии, так сразу все и заговорили бы на белорусском языке*?» [1, с. 241—242].

С одной стороны, имела место политика русификации, которая пагубным образом сказалась на идентификации белоруса в советском обществе, но с другой — нельзя не признать, что в словах П. М. Машерова содержалась определенная доля правды. Сама история доказала это — два десятилетия независимости Беларуси ни на секунду не сделали нас более белорусами, не заставили нас вспомнить о своем родном языке. Так все же что произошло с нами за годы «брежневского застоя»?

Возможно, годы «сытого» и спокойного существования в рамках брежневского периода заставили нас переосмыслить осуществимость национальной идентификации. Нам гораздо удобнее приспособиться к системе, чем в корне ее менять. Сказалась психологическая травма, нанесенная нашему народу Отечественной войной. Инстинкт самосохранения оказался сильнее, чем потребность в национальном самовыражении.

В сознании белоруса советская власть связывалась с Великой Победой, спасением от тотального уничтожения, постепенным налаживанием жизни. Вплоть до конца 1970-х гг. Беларусь, в отличие от большинства республик СССР, не испытывала больших экономических трудностей. В мировоззрении большинства людей росло желание идентифицировать себя с этой властью, принять ее постулаты, чувствовать себя причастными к ее свершениям.

Так, в проведенном в 1989 г. Всесоюзным центром исследования общественного мнения (ВЦИО) опросе «Кем вы себя считаете в первую очередь: гражданином СССР или гражданином республики?» 70 % белорусов идентифицировали себя с советским государством. Для сравнения: 97 % эстонцев и 42 % украинцев посчитали себя в первую очередь жителями своих республик [5, с. 22]. Это свидетельствовало о том, что белорусы ближе других восприняли идеи социалистического интернационализма и дружбы народов. Заметим, это произошло не во время войны, что было бы более объяснимо, а в обстоятельствах мирного строительства. Главным для белорусов оказалось стремление сохранить существующий порядок, относительное экономическое благополучие, пусть и в ущерб своей национальной идентичности. В любом случае — эстонец ли, украинец ли или белорус — каждый человек выбирал сам, кем он в большей степени является — носителем советской или национальной культуры. И это самоопределение было непосредственно связано с идеологическим выбором. А проявления в нашем случае «белорускости», фиксируемые в тот период, нужно относить к форме индивидуальной оппозиции по отношению к системе, разделяемые частью интеллигенции и учащейся молодежи.

Процесс трансформации, который переживает современная Республика Беларусь, характеризуется масштабностью перемен и поиском оптимальной модели развития, в рамках которой вырабатываются элементы нового общественного порядка, осуществляется переосмысление места и роли белоруса в глобальных процессах современности. Трудности на этом пути преобразований (падение уровня жизни большей части населения, появление духовного вакуума, масса различных неудобств) заставляют нас обратиться к историческому опыту нашей страны. Это необходимо, чтобы попытаться уяснить, как решались подобные проблемы в советское время, какие принципы и ценности в жизни общества оправдали себя и от чего следует отказаться, что становится определяющим в выборе белорусом психологически комфортной модели нынешнего существования.

Особенности идентификации белорусов были непосредственно связаны с их исторически сложившейся ментальностью. Ее нельзя рассматривать вне контекста со славянским менталитетом, во-первых, и географического места постоянного проживания белорусского социума в центре Европы, во-вторых.

Формирование духовных ценностей восточных славян происходило, как известно, в условиях влияния православно-византийского духовного наследия. Образ жизни восточной

ветви славянства, пережившего и татарскую подневольность, и жесткий режим московских правителей, воспитывал такие черты менталитета, как стойкость к тяжелым жизненным испытаниям, готовность покориться превратностям судьбы. В этой противоречивой совокупности духовных ценностей немаловажное значение имели сокровища национального славянства — русских, белорусов, украинцев, поляков и других народов.

Вместе с тем, как отмечает доктор философских наук Я. С. Яскевич, белорусами «традиционно испытывались трудности существования между Востоком и Западом, и осуществлялся поиск собственного пути развития. Белорусская ментальность впитала в себя и униатскую склонность к компромиссам, и героику католицизма, и строгую воздержанность вместе с индивидуализмом протестантизма» [4, с. 39—40]. В исследовательских работах подчеркиваются такие характерные черты белорусов, как миролюбие, уважение других национальностей и вообще окружающих людей, рассудительность и терпимость. Наряду с этим указывается на неоднородность белорусской ментальности, ее региональной обусловленности. Так, Западной Беларуси, находившейся под воздействием католической Польши и Литвы, присуща индивидуализация жизни; для Полесья характерно преобладание культа сельской общины; районы, граничащие с Россией, выделяются своей православной соборностью.

Становлению новой мировоззренческой культуры и парадигмы общественного развития, несомненно, способствуют обновляющиеся процессы социальной динамики, происходящие в постсоветском развитии Республики Беларусь. Современное белорусское общество нуждается в консолидирующей системе идей, сплачивающих различные слои населения, определяющих их ценностные ориентации, моральные нормы, определенный образ жизни [4, с. 65]. Национальная идентичность, осмысление своего места в мировом историческом процессе, учет советской общественной и межнациональной специфики, — все должно, на наш взгляд, стать определяющим в формировании национального самообраза белоруса в современном постиндустриальном обществе.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. З успамінаў Сцяпана Міско аб Машэраве і яго часе // Гісторыя Беларусі найноўшага часу ў дакументах і матэрыялах / уклад Ю. Бачышча; нав. рэд. А. Смалянчук. Вільня : ЕГУ, 2008. С. 241—242.

2. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4 п. Оп. 47. Д. 48 — Письма и заявления Отдела агитации и пропаганды.

3. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 81. Д. 2579 — Протокол № 108 заседания Бюро ЦК КПБ от 9 января 1975 года.

4. Методологические проблемы истории: учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов / В. Н. Сидорцов [ и др.]; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск : ТетраСистемс, 2006. 352с.

5. Советский простой человек / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков [и др.]. М. : Мировой океан, 1993. 300 с.

6. *Турчин П. В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории: пер. с англ. / под общ. ред. Г. Г. Малинецкого, А. В. Подлазова, С. А. Боринской. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 368 с.

7. *Шубин А. В.* Парадоксы перестройки. Упущенный шанс. М. : Вече, 2005. 480 с.

8. *Шутова О. М.* Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI века. Минск : БГУ, 2008. 279с.

Статья поступила в редакцию 7 июня 2012 г.